

УДК 94 [410]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

В.Н. Ерохин

Магадан

Северо-Восточный государственный университет

erohin_vladimir@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В АНГЛИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В статье исследуется культуротворческий потенциал Реформации и протестантизма. Новое религиозное течение повлияло на все сферы общественной жизни, включая образование, науку и культуру. Идеи протестантизма, основанные на необходимости самостоятельного чтения текста Священного Писания для каждого верующего без каких-либо посредников и внешних авторитетов, стали формировать в протестантской культуре особый тип личности. Человек стал стремиться получать образование, вырабатывать собственную точку зрения на явления и процессы естественной и социальной природы. Исследование показало, что в развитии английского протестантизма отмеченные в статье тенденции привели к «образовательной революции» второй половины XVI – XVII веков. Рост численности студентов университетов в этот период свидетельствует о стремлении молодых людей к прагматическому знанию в научных исследованиях. Опора на слово во всех сферах культуры сформировала специфический логоцентризм изучаемого в статье периода английской истории.

Ключевые слова: Реформация, раннее Новое время, Англия, образование, наука, культура.

Эпоха раннего Нового времени (XVI–XVII вв.) в истории Европы характеризуется, наряду с происходившим в это время генезисом капитализма, активным развитием образования и науки, что было обусловлено практическими потребностями этого времени и влиянием религиозной Реформации, побуждавшей к личностному самосовершенствованию. Влияние Реформации сохранилось в ценностных и мировоззренческих ориентирах, а также установках западноевропейской культуры по сей день.

Реформация оказала трансформирующее влияние буквально на все стороны общественной жизни – отношение к труду и экономическую мотивацию, политическую культуру общества, литературу и искусство, быт, семейную жизнь. В рамках христианской доктрины протестантизм произвел такое смещение акцентов, рекомбинацию исходных посылок, что это не только преобразило христианскую религию, но и придало христиан-

скому богословию динамизм, большую, чем прежде, способность реагировать на культурно-исторические перемены, усилило внимание к личности.

Тезис лютеранства об оправдании только верой усилил личностное начало в человеке, содействовал развитию способности к самоорганизации, общественному самоуправлению. Еще более эти установки в протестантизме усилил кальвинизм, формируя ориентацию на дела, в первую очередь, на собственные силы человека. В результате в общественной жизни стала укрепляться сфера, не регулируемая непосредственно государством. Изменилось и понимание права – под влиянием борьбы протестантов за свободу вероисповедания стало утверждаться представление о том, что у человека могут быть не только обязанности, но и неотчуждаемые, неотъемлемые права. Потенциально протестантизм открывал большой простор личной инициативе человека, и это стало сказываться в практике общественной

жизни. Было разрушено также и отрицательное средневековое отношение к ростовщичеству, сдерживавшее развитие капитализма.

Реформация оставила глубокий след также и в английской культуре, повлияв практически на все сферы общественной жизни.

Развитию образования, науки и культуры в Англии раннего Нового времени посвящён целый ряд британских и североамериканских исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Есть основания утверждать, что влияние Реформации уже через несколько десятилетий после выступления в 1517 г. Мартина Лютера придало заметный импульс развитию образования в протестантских странах. Теперь религиозные службы проводились на языке, понятном для прихожан, а текст Священного Писания тоже был понятен и доступен для всех верующих. Над этим текстом можно и нужно было размышлять.

В англо-саксонском мире это прослеживается очень отчетливо. Л. Стоун, проанализировав ситуацию в высших учебных заведениях Англии в 1560–1640-е гг., утверждал, что процессы, происходившие в это время в образовательной сфере, можно оценить как «революцию в образовании». Он представил общую динамику поступлений данного периода в университеты. Первая волна значительного увеличения поступлений в университеты, прошедшая в 1560-е гг., достигла своего пика около 1583 г., затем последовало затишье до восшествия на престол короля Якова I Стюарта (1603–1625). Предположительными причинами спада поступлений в университеты с 1583 по 1604 гг., полагал Л. Стоун, могли быть религиозно-идеологические. До этого, по его мнению, на увеличение поступлений в университеты сильно влияли пуритански настроенные священники, а в 1583 г. архиепископом Кентерберийским стал Джон Уитгифт (1583–1604), противник пуритан, и они стали опасаться за судьбу университетов, англиканской церкви, так как церковные администраторы стреми-

лись теперь создать тут неблагоприятный для пуритан климат. Могло повлиять на уменьшение числа поступлений, считал Стоун, также некоторое ухудшение экономического положения Англии в последнее десятилетие правления королевы Елизаветы I (1558–1603): неурожай, рост цен, повышение налогов, расстройство торговли. Но после 1604 г. вновь начался наплыв поступлений в университеты, продолжавшийся до Английской революции 1640–1660 годов. Доля поступающих в университеты в соотношении ко всему населению страны была накануне Английской революции такова, что вновь была достигнута только в 1860-е годы [6, p. 50–51].

Л. Стоун провел довольно детальные статистические подсчеты, используя материалы о поступлениях, сохранившиеся в университетских архивах. Он установил, что в 1630-е гг., на которые пришелся пик притока в высшие учебные заведения, ежегодно поступали примерно 1 240 молодых людей, если учитывать поступления в университеты, а также в юридические корпорации Лондона (Линкольнс-Инн, Грейс-Инн, Миддл-Тэмпл, Иннер-Тэмпл). Последние по своему статусу также являлись высшими учебными заведениями. Численность населения Англии в изучаемый период оценивается приблизительно в 5,2–5,5 млн человек. В университеты поступали в возрасте 15–19 лет. Ежегодно возраста 17 лет достигало 50 040 лиц мужского пола, и 1 240 поступавших в высшие учебные заведения составляли 2,48 % от всех лиц, достигших этого возраста [6, p. 56].

Л. Стоун проанализировал также социальный состав высших учебных заведений Англии того времени. Наиболее привилегированными учебными заведениями в 1560–1640 гг. продолжали оставаться юридические корпорации в Лондоне: здесь доминировали выходцы из среды крупной землевладельческой аристократии, в 1570-е гг. составлявшие 85 % всех обучающихся. Далее, в течение данного периода доля

сыновей юристов, выходцев из буржуазной среды среди обучающихся студентов, продолжала возрастать. В 1630-е гг. представители землевладельческой аристократии заполняли юридические корпорации на 75 % [6, p. 59].

Данные о поступлениях в университеты представителей различных социальных групп Л. Стоун рассмотрел на примере двух колледжей Кембриджского университета, Caius College и St. John's College. В этих двух колледжах накануне гражданской войны среди обучавшихся студентов треть составляли выходцы из джентри, четверть – из духовенства и формировавшихся групп профессионалов-интеллектуалов (адвокатов, учителей и т. п.), примерно 16,5 % – из ремесленников, торговцев, средних слоев города [6, p. 65–66].

Л. Стоун считал, что стремление дать высшее образование своим детям, проявившееся в среде английского состоятельного класса с середины XVI в., следует рассматривать и как следствие влияния религиозной Реформации, и как признак экономического благополучия этих социальных групп в Англии того времени. В стране активизировалась городская жизнь во всех своих проявлениях, и пребывание в университете, по мнению состоятельных родителей, ограждало их детей от многих искушений юности. По согласованию с родителями университетские наставники не только контролировали расходы своих питомцев, но даже могли их подвергать телесным наказаниям.

В это время наблюдается поток благотворительных пожертвований университетам, заметно повышается оплата труда и денежное содержание преподавателей. За счет благотворительных завещаний было учреждено около 500 стипендий для недостаточно состоятельных студентов в университетах. На получение стипендии, как отмечал Л. Стоун, проталкивало своих протеже высшее духовенство, да и джентри.

Стоун показал, что были созданы возможности для того, чтобы работать во время обучения в колледже в сфере услуг – бедные могли наниматься прислу-

живать состоятельным сверстникам-студентам тут же, в учебном заведении. Учёный утверждает, что колледжи в целом поддерживали в составе студентов разумный баланс между богатыми и бедными: в любом колледже существовала необходимость в том, чтобы состоятельные студенты имели слуг, которых брали из числа неимущих студентов.

Стоун считает бессмысленными дискуссии о том, какие классы получили наибольшие выгоды от происходившего в стране бума в образовании. По его мнению, представители всех социальных групп, чей достаток поднимался над уровнем удовлетворения лишь насущных жизненных потребностей, имели доступ к университетскому образованию: землевладельческая знать, джентри, городская и сельская интеллигенция, буржуазия, ремесленники, выходцы из семей копигольдеров, арендаторов. Все они имели возможность учиться в университетах в рассматриваемый им период. В высших учебных заведениях не было только выходцев из самых низов – дети в таких семьях очень рано начинали работать, и у большинства из них нужда подавляла социальную мотивацию, сужала кругозор и не давала возможности развиться тяге к образованию.

Л. Стоун приходит к выводу, что уровень образованности в английском обществе середины XVII в. по европейским меркам был высок: более половины мужского населения Лондона в это время было грамотным, в графствах, окружающих Лондон, треть мужского населения могла подписаться своим именем, и большинство из них, видимо, умели читать. После событий 1640–1660 гг. в условиях реставрации Стюартов усилились консервативные тенденции в подходе к образованию. Уровень образованности, как в середине XVII в., был достигнут в Англии лишь после Первой мировой войны [6, p. 71–72].

Причины такого образовательного бума Л. Стоуну в основном ясны. Он связывает их с ликвидацией церковной монополии на образование в эпоху

Реформации, социально-экономическим развитием общества, генезисом капитализма, требовавшим увеличения числа образованных профессионалов. Кроме того, поднимались средние классы, не жалевшие средств на образование своих детей. Большой вклад в повышение образовательного уровня английского общества внесли пуритане. Они отмечали религиозное значение образования для становления личности, рассматривали его как опору в борьбе с невежеством, богохульством и праздношествованием.

В период междоусобицы в 1649–1660 гг. произошло расширение образования на всех уровнях, модернизация курсов обучения. В 1641 г. в Англию был приглашен известный чешский педагог Ян Амос Коменский (1592–1670). Пуритане предлагали ввести всеобщее начальное образование, создавали новые школы. Во времена протектората (1653–1660) планировалось открытие третьего университета в Дареме [6, р. 72–73].

Прямое влияние принадлежности к протестантскому вероисповеданию на повышение уровня образованности в обществе, как считал Л. Стоун, наглядно показывает пример пуританской Новой Англии. Здесь отнюдь не в самых благоприятных экономических условиях переселенцы сразу начали создавать широкую систему образовательных учреждений. Уже при жизни первого поколения переселенцев был основан Гарвардский университет (1636). Главам семей было поручено начальное образование детей и слуг, каждое поселение из 50 семей должно было на коллективные общественные средства нанять школьного учителя, каждое поселение с числом семей более 100 – открыть среднюю школу. В результате в пуританской Новой Англии к 1650-м гг. 90 % глав семей и 40 % их жен могли читать и писать. Доля же студентов колледжей по отношению к небольшому по численности населению была такова, что процент студентов в колледжах США к общей численности населения в XX в. между двумя мировыми войнами был ниже, чем в 1650-е годы [6, р. 73].

Среди членов революционного Долгого парламента, отмечал Стоун, доля депутатов, имевших университетское образование, составляла 50 %, но полных данных о депутатах нет. Он полагал, что эта доля может быть увеличена до 60 %. Такого уровня образованность членов парламента вновь достигла в середине XIX в. Затем она вновь снизилась с приходом в парламент депутатов от лейбористской партии [6, р. 78–79].

После революции 1640–1660 гг. уровень образованности в английском обществе по ряду причин начал снижаться. Упадок религиозного энтузиазма уменьшил объем завещаний, составленных на образовательные цели. Уменьшилось и число разбогатевших землевладельцев, которые стремились бы дать высшее образование своим детям. Джентри испытывало экономические трудности из-за увеличения налогообложения и отставания размеров роста рент от роста цен. Важным новшеством в образовательной деятельности было и то, что свои образовательные учреждения стали создавать диссентеры и неконформисты, получившие возможность для легальной деятельности после издания Акта о веротерпимости 1689 года. Высшими учебными заведениями у них были академии. Сохранявшееся в среде английских диссентеров религиозное рвение способствовало тому, что эти негосударственные учебные заведения давали хорошее образование, не уступавшее университетскому. Диссентеры-неконформисты не могли поступать в университеты, где царила англиканская церковь, что также уменьшило количество студентов в Оксфорде и Кембридже [6, р. 79].

В среде британских историков происходили дискуссии о социальных основах научной революции XVII века. Х.Ф. Кирни полемизировал с известным британским историком К. Хиллом, который в своей интерпретации развития образования, науки в Англии в конце XVI – первой половине XVII в. утверждал, что поднимавшаяся буржуазия в это время была опорой новой науки, образования и прогресса.

Кроме того, выразителями этих настроений были и пуритане. Хилл заявлял, что гражданская война во время революции в Англии происходила между «приверженцами разных школ в астрономии: между парламентариями – сторонниками гелиоцентрической системы и роялистами – сторонниками системы Птолемея». К. Хилл писал также об основании в 1596 г. в Лондоне учебного заведения, по его мнению, нового типа – Грешем Колледж. Его контролировали купцы и торговцы, а не духовенство, и образовательные программы колледжа были нацелены на приобретение практического знания [8].

Х.Ф. Кирни раскритиковал эти взгляды К. Хилла. По его словам, «Хилл представляет свою версию привлекательно и умело. Он, опираясь на воображение, выстраивает свои свидетельства, пишет убедительной прозой», которая не соответствует фактам [4, р. 86–87].

Исследуя преподавательский состав Грешем Колледжа и его учебные программы, Кирни пришел к выводу, что он не был учебным заведением, отличным от университета. В нем университетское по характеру образование было сделано доступным и приспособленным к уровню населения Лондона, а программы включали не только математику, навигацию, но и риторику, богословие, гражданское право. Грешем Колледж был настолько же светским, насколько и «клерикальным». И здесь некоторые преподаватели имели священнический сан, как и в университетах, а в отношении религиозных настроений в этом учебном заведении они были, скорее, усредненно протестантскими, близкими к латитудинарианским, чем пуританскими. При обстоятельном рассмотрении Грешем Колледж выступает не новым образовательным учреждением, созданным в интересах поднимающегося капиталистического класса, а учебным заведением, в значительной мере обязанным прошлому. Оно представляло собой реорганизацию академической культуры в среде столицы, в Лондоне, с некоторым признанием важности практических нужд в обучении [4, р. 89].

В полемике с К. Хиллом Х.Ф. Кирни обращается также к фактам и мнениям, приводимым другими исследователями данной эпохи. Британский историк науки Ева Тейлор, например, в своем исследовании о математиках в правление Тюдоров и Стюартов отмечала, что число математиков, постоянно занимавшихся наукой, в это время было очень невелико, примерно 150 человек [9]. Они нуждались в покровительстве, при покровителях выполняли определенные практические работы, связанные, чаще всего, с межеванием земель, навигацией. По мнению Е. Тейлор, выдающуюся роль в поддержке новой науки сыграло джентри. Среди покровителей ученых бывали и случаи поддержки со стороны крупных торговых компаний, но торговцы часто отказывали в помощи или выставляли жесткие практические условия. Хилл же выдвигал тезис, что купцы и ремесленники поддерживали новую науку. Но условия жизни этих социальных групп в конце XVI в., отмечает Х.Ф. Кирни, были далеко не самыми благоприятными – в это время сократились объемы внутренней торговли, ремесленные и промышленные предприятия работали с недогрузкой, обострились социальные противоречия. Можно быть уверенным, считает Кирни, что оценка английских торговцев этого времени как «прогрессивных и дальновидных» является ошибочной, поскольку не существует ясной и очевидной связи между принадлежностью к купечеству и политическим, религиозным и научным радикализмом. Все достижения в науке этого времени были достижениями горстки людей, для всех из них наука была творческой, а не практической деятельностью с утилитарными целями. Поэтому Х.Ф. Кирни приходит к выводу, что «ни один торговец в это время не внес прямого вклада в науку» [4, р. 93].

Особые возражения у Кирни встречает утверждение Хилла о прямой связи пуританизма с наукой. В целом протестантизм, и в том числе пуританизм, как видно по многочисленным свидетельствам, вне всякого сомнения, пробуждал

тягу к знанию, специальное внимание к образованности. Поначалу понимание содержания образованности всеми протестантами было примечательно традиционным и отличалось даже некоторой настороженностью по отношению к лицам, обладавшим высокой ученостью или имевшим такую репутацию. Протестанты связывали такую высокую ученость с принадлежностью к католицизму, ложной, в их понимании, религии, или же упрекали таких ученых лиц в том, что они нечувствительны к тому, что нужно народу. Х.Ф. Кирни отмечал, что пуританизм принес с начала XVII в. в религиозную жизнь то, что называют «энтузиазмом». Термин этот используется исследователями данного периода и в контексте религиозной истории реформационного периода и означает примерно «религиозную взвинченность с элементами мракобесия». Пуританизм в этом смысле нашел выражение в деятельности и мировоззрении индепендентов в революционный период с характерной для этих борцов за религиозную и политическую свободу настороженностью в отношении к университетам, к использованию ученой в религиозных делах, и требованием собрать все действующие законы в одну книгу. Разветвленность существовавшего законодательства, по мнению индепендентов, только осложняла жизнь простому народу. В пуританской среде настоятельно подчеркивалось требование пользоваться простым стилем религиозных проповедей, без использования ученых аллюзий и образов: сами пуритански настроенные духовные лица заявляли, что священник, вступивший на кафедру для проповеди, своими речами должен духовно наставлять прихожан, а не демонстрировать содержанием и стилем проповедей свою ученость.

Некоторые ученые этого времени имели связи в пуританских кругах. Но, если обратиться к примеру многих ведущих исследователей того времени, например к взглядам Уильяма Гарвея (1578–1657), Роберта Бойля (1627–1691), Исаака Ньютона (1642–1727), то можно

убедиться, что они принадлежали к совершенно иной традиции религиозной мысли, которая тоже развилась в английском протестантизме: ее можно назвать латитудинаристской, умеренной. В религии они отводили больше места разуму, чем эмоциональному опыту.

Для пуритан был характерен и яростный антиаристотелизм, так как философия Аристотеля отдавала предпочтение умозрительным видам знания практическим. На формирование практических наклонностей в мировоззрении пуритан, считал Кирни, повлиял французский философ и логик Пьер Раме (1515–1572). Из аристотелевской логики он убрал все ее черты, которые, по его мнению, были бесполезны в практической жизни. Логике Раме высоко ценил известный пуританский богослов У. Перкинс (1558–1602), другие авторитетные пуританские священники [4, р. 95–96]. Это направление в науке не интересовало ее развитием как познавательной деятельности ради самой себя, ради внутринаучных целей. Типичным приверженцем Раме был, по оценке Кирни, и приехавший в Англию чешский педагог Ян Амос Коменский, который проповедовал упрощенный и утилитарный подход к изучению языков. Неудивительно, что ученые этого толка скептически относились к возможности доказательства достоверности гелиоцентрической космологии. Так, Коменский не разделял идеи Коперника. Эти прагматики толка Раме в космологии становились на позиции Библии – ее информации на данный счет им было вполне достаточно. Аналогичную позицию выразил и Джон Мильтон в поэме «Потерянный рай» (1667). Кирни называет её «прагматической в самом вульгарном смысле этого слова», «обскурантистским утилитаризмом, враждебным всем исследованиям нерешенных проблем в изучении физического мира» [4, р. 97–98]. И в астрономии периода революции тоже не совсем ясно, на чьей стороне в космологической теории были сторонники парламента. Кирни считает, что библейски настроенные парламен-

тарии были сторонниками компромисса в космологии между гелиоцентризмом и геоцентризмом, предложенного датским астрономом Тихо Браге (1546–1601), спасая буквальный смысл Библии.

Тем не менее, отмечал Х.Ф. Кирни, все это не означает, что отсутствовала связь между развитием протестантизма и новой, опирающейся на индукцию и дедукцию, наукой XVII века. Более критичный подход к религиозным авторитетам, характерный для эпохи Реформации, создавал духовную атмосферу, предрасположенную к критическому подходу также и к догмам в науке. Но не следует проводить прямой связи между социально-экономическим развитием и историей науки, считает Кирни, так как революционные открытия в науке были результатом, в сущности, умозрительных занятий и поначалу не имели практических применений. Реформация, протестантизм постепенно формировали, скорее, духовную атмосферу, в которой сложились интеллектуальные предпосылки, благоприятные для развития новой науки.

Распространение реформационных идей меняло также духовный климат в развитии всех сфер английской культуры. С началом Реформации протестантами проповедовались идеи о том, что все культурные явления должны быть религиозно окрашенными. При этом первое и второе поколение английских протестантов ещё не испытывали враждебности к светской культуре и зрелищам как таковым и возражали лишь против того, чтобы с их помощью распространялись папизм и предрассудки. В 1530–40-е гг. английский протестантизм еще не чувствовал противоречий с культурой улицы и деятельностью пивных и виноторговцев. О Библии спорили в пивных, и протестанты даже заявляли, что участники споров на религиозные темы сильно не напиваются. В правление Марии Тюдор (1553–1558), когда в Англии произошла реставрация католицизма, протестанты тайно собирались в разных гостиницах в Лондоне, и перед проповедью в них свободно подавали и потребляли напитки.

Только в дальнейшем протестанты стали чуждаться питейных заведений, осуждая даже товарищеские компанейские выпивки. В пуританской среде появилось мнение о том, что за здоровье не следует поднимать тосты и пить – за здоровье лучше помолиться. Со времени около 1580 г. усилились нападки английских протестантов на светскую культуру, что особенно наглядно видно на примере театра. Началось также существенное (хотя и не ставшее полным) расхождение между светской и духовной музыкой.

Впоследствии произошла интеграция английской культуры с этими протестантскими установками – она изменилась вследствие воспринятых ею протестантских влияний. Под влиянием Реформации стал происходить переход от устной и визуально-образной культуры к культуре печатного слова, одним из выражений которого в религии стал выход на первый план проповеди вместо совершения таинств.

К началу XVII в. театральные постановки по стране начали прекращаться властями. Актерам даже платили за то, чтобы они ушли из города, а граждан города штрафовали, если они куда-нибудь ходили на театральные представления. Для пуритан было грехом развешивание гирлянд на майских шестах, даже охота с ястребом, травля оленей и медведей, игра в шахматы, ношение локонов. Практически единственными формами признававшегося пуританами достойного проведения досуга были занятия стрельбой из лука и упражнениями, которые развивали военные умения [10, р. 95–97, 102–109].

Основными аргументами для осуждения театра у пуритан были критика драматических постановок как лжи с особыми возражениями против трансвеститов в исполнении женских ролей мальчиками (в Ветхом Завете Второзаконие 22:5 бескомпромиссно осуждает трансвестизм); отвращение к непристойностям – к эротичности некоторых театральных сцен; обвинения в идолопоклонничестве тех, кто смотрел театральные зрелища.

Пуритане особенно осуждали пьесы на религиозные темы. Постановка пьес на библейские темы стала незаконной после издания в 1605 г. Акта о богохульстве. В 1637 г. против театров опубликовал свое сочинение «*Histrion-mastix*» известный пуританин Уильям Принн (1600–1669), поплатившийся за критику религиозной политики властей отрезанными ушами, но до отъезда короля Карла I Стюарта (1625–1649) из Лондона и начала гражданской войны в 1642 г. пуритане не могли закрыть театры [10, р. 112].

Примерно с 1580 г. протестанты в Англии с осуждением стали относиться также к изобразительным искусствам, подвергнув критике реалистические картины на религиозные сюжеты, а также баллады на религиозные темы. Издания Библии почти перестали сопровождать иллюстрациями, что отразилось на оформлении английских книг в целом. С 1600 г. в течение нескольких десятилетий протестантская Англия вышла на стадию, которую П. Коллинсон называет «иконифобией», когда отвергались все изображения на основе прямого следования второй библейской заповеди. Ранее, в начале XVI в. в английской культуре существовала ситуация, когда человек из социальных низов в том случае, если оказывалось, что у него в собственности есть хотя бы одна книга (фактически любого содержания), попадал под подозрение в ереси лоллардизма. К 1600 г. владелец картины (тоже практически на любую тему) мог быть заподозрен в принадлежности к католицизму. Большинство лиц даже в высших классах английского общества не имело картин и скульптур, не стало даже детских книг с картинками. Символику распятия в общественных местах заменили королевские гербы [10, р. 117–118].

Протестантская религиозность стала в конце XVI в. утверждаться и в армии, где проповеди и пение псалмов были введены ещё до Английской революции середины XVII века [10, р. 121].

На рубеже XVI–XVII вв. начал становиться заметным разрыв между народ-

ными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по экономическим причинам – по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. В XVII в. народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, просто многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х гг. против распространённых в народе форм проведения досуга духовенство начало кампанию, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме». Пока спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка [11, р. 155–157, 175–177]. Отношение состоятельных социальных групп к народной культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники [12, р. 841–842]. Как писал П. Коллинсон, рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего Нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре – «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям» [13, р. 182].

С 1572 г. стали фиксироваться случаи, когда пуритански настроенные лица сносили майские шесты. Вообще же первый известный случай сноса майского шеста

протестантами произошёл в Лондоне в 1549 г. после проповеди против идолопоклонства, произнесенной у собора Св. Павла. В течение двух последующих десятилетий эти настроения стали приобретать более широкое распространение. Те, кто участвовал в народных празднествах, по мнению пуритан, нарушали четвертую и седьмую заповеди (обязательное посещение церкви по воскресеньям и запрет внебрачных связей), а то и сразу все Десять заповедей. У современников также появилось ощущение, что те, кто уделяет время участию в таких праздниках, тратит время впустую, изнуряет силы, а на те средства, которые идут на театральные представления, лучше накормить нищих. Стали даже жалеть брать хорошие деревья для использования их в качестве майских шестов, чтобы уберечь лес. Оправданием к существованию народных развлечений было то, что они поддерживали дух товарищества и добрые отношения между жителями одного поселения. К 1630-м гг. лозунг о необходимости сохранения добрососедства стал способом сплочения защитников народных традиций против давления со стороны пуритан. При этом трудности для пуритан представляло то, как быть с текстом из Книги Экклезиаста, в котором говорилось, что есть время для скорби и есть время для танца. Фактически даже и среди духовенства в Англии было немало тех, кто защищал танцы [14, р. 13–16, 24].

Заметным было влияние Реформации на семейную жизнь. Протестантизм, оставаясь патриархальным по характеру в понимании семьи, всё же углубил, как считают, эмоциональность семейных отношений. В Англии под влиянием Реформации довольно скоро неженатые духовные лица стали исключением. К концу XIX в. в английском обществе сложилось убеждение, что английский идеал семейной жизни и привязанности к дому связан с пуританскими влияниями. Л. Стоун связал протестантизм, а в равной мере и пуританизм, и англиканство, с появлением того, что он называл «строгая патриархальная нуклеарная семья» и

стремлением к тому, что можно назвать браком-дружбой, поскольку такой брак поощрял стремление к домовитости, семейным домашним добродетелям, что было, возможно, самым далеко идущим последствием Реформации в Англии, но эти вопросы легче изучать на примере социальных верхов [15, р. 5; 16, р. 141].

В понимании воспитания детей в пуританизме видны некоторые жёсткие черты. В протестантской антропологии воспринятый у Августина Блаженного пессимизм преподносил детей как склонных к воздействиям дьявола. Известный пуританин Джон Робинсон (1575–1625) – духовный наставник «отцов-пилигримов», отплывших в Америку на «Мэйфлауэре» в сентябре 1620 г., полагал, что присущая детям по природе гордыня должна быть сломлена и выбита из них. Протестантские богословы обычно осуждали родителей за пренебрежение воспитанием детей. Некоторые историки считают, что суровость воспитания оказывала травмирующее влияние на ребенка. Но есть и другие мнения: пуритане, в отличие от англичан викторианской эпохи, не превращали детство в период воспитания в сентиментальных фантазиях, а стремились к их религиозному обращению, помогали формироваться детям в том, что воспитывали их морально ответственными, способными лучше приспособиться к реальному миру взрослых [17, р. 113–137]. Но есть также достаточно свидетельств, что отношения родителей и детей в Англии XVI–XVII вв. были очень тёплыми, о чём писали П. Коллинсон, Б. Ханаволт и П. Зивер [10; 18; 19].

Достижение пуританами своих целей было затруднено тем, что разделявшие их идеи лица лишь в некоторых районах Англии имели власть только на местном уровне. Даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне с 1649 г. явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и

церковные суды. Некоторые общины, в которых преобладали пуритане, в таких условиях приняли решение ограничить допуск к причастию, поскольку достойные причастия составляли меньшинство во всех общинах. Пуритане были одержимы идеей поддержания социальных контактов только в среде достойных, морально устойчивых лиц. После реставрации Стюартов в 1660 г., когда была восстановлена епископальная церковь как единственно законная, такие группы «избранных» часто были вынуждены уйти в более или менее отчужденный конформизм. Дальнейшее развитие английского протестантизма принесло такое плюралистическое разнообра-

зие, которого английские протестанты не хотели и не ожидали. Его продуктами стали официальная государственная англиканская церковь, неконформизм диссентеров (после «Славной революции» 1688 г. в следующем году для неконформистов-диссентеров был издан Акт о веротерпимости) и английский католицизм (который был легализован в стране в 1850 году) [10, p. 154].

Таким образом, целый ряд культуротворческих практик в западноевропейских обществах раннего Нового времени испытал влияние протестантских, реформационных идей. Данное влияние в целом было благотворным по своим последствиям.

Список литературы

1. Brad G.S. *The Unintended Reformation. How a Religious Revolution Secularized Society*. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 574 p.
2. Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. X, 246 p.
3. Greaves R.L. *Society and Religion in Elizabethan England*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 925 p.
4. Kearney H.F. Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // *Past and Present*. 1964. № 28. P. 81–101.
5. Morgan J. *Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 366 p.
6. Stone L. *The Educational Revolution in England, 1560–1640* // *Past and Present*. 1964. № 28. P. 41–80.
7. Watt T. *Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XIX, 369 p.
8. Hill Ch. *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1965. IX, 333 p.
9. Taylor E.G.R. *Mathematical Practitioners of Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 442 p.
10. Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1988. XIII, 188 p.
11. Clark P. *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500–1640*. Hassocks: Harvester Press, 1977. XIV, 504 p.
12. Fripp E.I. *Shakespeare, Man and Artist*. Oxford: Oxford University Press, 1938. 939 p.
13. Collinson P. *Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald* // *Reformation Principle and Practice*. London: Scholar Press, 1980. P. 171–202.
14. Goring J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. London: Dr Williams's Trust, 1983. 28 p.
15. Houlbrooke R.A. *The English Family 1450–1700*. London: Longman, 1984. VII, 272 p.

16. Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. London – New York: Harper & Row, 1977. 446 p.
17. Sommerville J. English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation // Journal of Psycho-History. 1978–79. Vol. VI. P. 113–137.
18. Hanawalt B.H. The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England. New York – Oxford: Oxford university press, 1986. XII, 346 p.
19. Seaver P.S. Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth-Century London. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1985. XIII, 258 p.

Сведения об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор Северо-Восточного государственного университета (Магадан)

ул. Портовая, 13, Магадан, 685000
erohin_vladimir@inbox.ru

Дата поступления статьи: 26.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Ерохин В.Н. Влияние Реформации на развитие образования, науки и культуры в Англии в раннее Новое время // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 51–62. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

УДК 294 (410)

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_51

V.N. Yerokhin

Magadan

North-Eastern State University

erohin_vladimir@inbox.ru

THE INFLUENCE OF REFORMATION ON EDUCATION, SCIENCE AND CULTURE IN EARLY MODERN ENGLAND

This article studies the Reformation and Protestantism as a religious potential for cultural evolution. The religious confession influenced all areas of social life, including education, science, and culture. The ideas of Protestantism, based on the need for every believer to read the text of Holy Scripture independently without any intermediaries and external authorities began to form a special type of personality in Protestant culture. An individual began to seek education and to develop his point of view on the phenomena and processes of natural and social genesis. The study has also

revealed that in the development of English Protestantism the tendencies highlighted in the article led to an «educational revolution» of the second half of the sixteenth to the seventeenth century. The increase in the number of university students during this period is evidence of young people's desire for pragmatic knowledge in scientific research. The reliance on the word in all spheres of a culture shaped the specific logocentrism of the period of English history studied in the article.

Keywords: Reformation, Early Modern History, England, education, science, culture.

References

1. Brad, G.S. (2012) *The Unintended Reformation. How a Religious Revolution Secularized Society*. Cambridge; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
2. Cressy, D. (1980) *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Greaves, R.L. (1981) *Society and Religion in Elizabethan England*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
4. Kearney, H.F. (1964) Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution. *Past and Present*, 28, 81–101.
5. Morgan, J. (1986) *Godly Learning: Puritan Attitudes towards Reason, Learning and Education, 1560-1640*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Stone, L. (1964) The Educational Revolution in England, 1560–1640. *Past and Present*, 28, 41–80.
7. Watt, T. (1999) *Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hill, Ch. (1965) *The Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1965.
9. Taylor, E.G. (1954) *Mathematical Practitioners of Tudor and Stuart England*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Collinson, P. (1988) *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York: St. Martin's Press.
11. Lamont, W. (1979) *Richard Baxter and the Millenium: Protestant Imperialism and the English Revolution*. London: Croom Helm; Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield.
12. Clark, P. (1977) *English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500-1640*. Hassocks: Harvester Press.
13. Fripp, E.I. (1938) *Shakespeare, Man and Artist*. Oxford: Oxford University Press.
14. Collinson, P. (1980) Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald. *Reformation Principle and Practice*. London: Scholar Press, 171–202.
15. Goring, J. (1983) *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. London: Dr Williams's Trust.
16. Houlbrooke, R.A. (1984) *The English Family 1450-1700*. London: Longman.
17. Stone, L. (1977) *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. London – New York: Harper & Row.
18. Sommerville, J. (1978 1979) English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation. *Journal of Psycho-History*, VI, 113–137.
19. Sommerville, J. (1992) *The Discovery of Childhood in Puritan England*. Athens, Ga.: University of Georgia Press.
20. Hanawalt, B.H. (1986) *The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England*. New York – Oxford: Oxford university press.
21. Seaver, P.S. (1985) *Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth-Century*. London. Stanford (Calif.): Stanford University Press.

About the author:

Vladimir N. Yerokhin, Dr Sci. (History), Professor, Department of Social Sciences and Humanities, North-Eastern State University

13, Portovaya Str., Magadan, 685000
 erohin_vladimir@inbox.ru